
звездный тандем российского детектива

**Читайте романы мастеров закрученного сюжета
Анны и Сергея Литвиновых:**

Осколки великой мечты

Быстрая и шустрая

Даже ведьмы умеют плакать

Кот недовинченный

Красивые, дерзкие, злые

Боулинг-79

Пальмы, солнце, алый снег

Наш маленький Грааль

Внебрачная дочь продюсера

Ревность волхвов

Ideal жертвы

Золотая дева

Я тебя никогда не забуду

У судьбы другое имя

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет

Все девушки любят бриллианты

Проигравший получает все

Второй раз не воскреснешь

Предмет вожеления №1

Оскар за убийную роль

Дата собственной смерти

Парфюмер звонит первым

SPA-чистилище

Вояж с морским дьяволом

Биография smerti

Девушка без Бонда

Три последних дня

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

звездный тандем российского детектива

**Дамы
убивают
кавалеров**

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Л 64

Оформление серии *С. Груздева*

Литвинова А. В.

Л 64 Дамы убивают кавалеров : роман / Анна и Сергей Литвиновы. — М. : Эксмо, 2013. — 320 с. — (Звездный тандем российского детектива).

ISBN 978-5-699-65225-9

Когда юный хакер Леня, ночью пролетая на желтый свет, врезался в джип и увидел его хозяев, ему показалось, что это кошмарный сон. И он не ошибся — это был кошмар, но наяву. Джип принадлежал всемогущему представителю одной из кавказских группировок, контролирующей пол-Москвы. Вот так и получилось, что Ленчик подсадил маму и тетю Катю на огромные деньги. Правда, Катин друг частный детектив Паша Синичкин скостил сумму до двенадцати тысяч долларов. Ну ничего, Ленчик им отомстит... Но через несколько дней его вычислили и похитили среди бела дня. Теперь за него требуют полмиллиона зеленых. Доведенные до отчаяния мать и тетка решают действовать на свой страх и риск...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-65225-9

ПРОЛОГ

Леня Коноплев

Леня Коноплев даже представить себе не мог, что через пятнадцать минут на него свалится огромная беда. Настолько огромная, что накроет его целиком, с головой. Его самого — и всю его семью.

Он ехал по ночной столице на маминой «девятке». Уверенно рулил, небрежно курил (чего уж греха таить!) и наслаждался разворачивающейся перед ним красотой. В два часа ночи Москва чертовски красива.

На улицах ни души. Ртутные фонари. Самые эффектные столичные здания расточительно подсвечены молочно-белыми прожекторами. Бесплезно горят в ночи бензоколонки. У обочин, на автобусных остановках, бдительно светятся белые будки дозаправки иным горючим — спиртным и сигаретами.

Леня возвращался от Машки. Душа пела. Машка, кажется, любит его!

С обочины махнула рукой голосующая девушка. Молодая, стройненькая. Леня сбросил газ: отчего бы не подвезти крошку! «И денег с нее не возьму. Просто поболтаем о том о сем. Обменяемся на прощанье телефончиками...»

Леня перенес ногу на тормоз... Но... Но в последний момент передумал. Прибавил газку. Сейчас ему не хотелось ничего общества. Он раздумывал впускать постороннюю в собственный маленький самодвижущийся домик. Говорить придется с девчонкой о чем-то... Не желал он, чтобы *чужой человек* мешал ему наслаждаться собственным счастьем.

В поздний час легко мечтается, когда человеку девятнадцать лет. И сейчас Леня воображал: он едет не на дребезжащей «девятке», а, скажем, на «Корвете». И не по Москве, а по какому-нибудь штату Орегон. И возвращается не в мамину квартиру, а, скажем, в собственный загородный дом. И ему уже не девятнадцать, а двадцать пять. И он не студент, а программист, работающий в... ну, например, в компании «Делл» — с ежегодным окладом сто тысяч «гринов»... А почему бы нет? В конце концов, сейчас он — лучший компьютерщик на курсе... И на Всемирную Олимпиаду в Кейптаун ездил. Америкосы запросто его возьмут на работу...

«Или нет, — воображал Леня. — Допустим, я еду во Французские Альпы... Отпуск в горах... И рулю я из аэропорта в заранее нанятый коттедж... А там меня уже ждет Машка... А может, и не Машка, а какая-нибудь Мэри... Или, допустим, Оливия, или Патрисия, или Кейт... Или никто конкретно меня не ждет, а просто мне предстоит тусоваться на горнолыжном курорте... А там будут и девушки, и новые друзья, и горный загар, и восхитительные трассы... И в багажнике моей машины лежат сумки с горнолыжным, самым прикинутым обмундированием. А на крыше авто на специальных держалках укреплен сноуборд — разумеется, фирмы «Форум»... И рассекаю я, конечно, не на русской «девятке», а на арендованном в аэропорту Гренобля культовом «Порше-911»...»

Мысли Ленчика витали далеко; левая рука небрежно рулила, правая переключала передачи. Щетки лениво смахивали с лобового стекла редкие капли июньского дождика.

Машин на Казанском шоссе мало. Ленчик видел в ночи огни не только ближнего светофора, но и те, что светились на двух следующих перекрестках. И он подгадывал скорость, чтобы все время проскакивать на зеленый.

Скоро поворот к дому. Вот и предпоследний свето-

фор по Казанскому шоссе. Устойчиво горит зеленый сигнал. Ленчик прибавил скорость, чтобы успеть проскочить. Когда до перекрестка оставалось метров сто, разрешающий сигнал замигал. Ленчик полсекунды подумал: «Не тормознуть ли?» — но потом, напротив, прибавил обороты. В голове юноши мелькнуло: «Ночь... машин нет... пролечу на желтый...»

Перед самым перекрестком загорелся тревожный желтый свет. Еще имелось время, чтобы экстренно затормозить, но он, наоборот, в московском стиле, только прибавил газу.

Когда на скорости километров сто в час Леня вылетел на середину перекрестка, для него загорелся красный.

«Успеваю», — мелькнула лихая мысль.

В этот момент он почувствовал, как машину ударило что-то сбоку и сзади.

Леню бросило вправо, на дверцу. Улица бешено закружилась. Леня отчаянно понял, что «девятка» больше не слушается его. Огни, фонари, светофоры — все завертелось вокруг. Кажется, на пару секунд он потерял сознание.

Когда он очнулся, его машина стояла посреди перекрестка. «Кажется, я влип», — подумал Леня. Мысли были далекими и отстраненными, словно все происходило не с ним.

Ничего не болело, но в голове странно шумело, словно мозги только что как следует встряхнули внутри черепной коробки. Ночной перекресток выглядел совершенно пустым.

Пустым — если не считать того, что в десятке метров от Лени чернела прямоугольная задница автомобиля. На ней серебрилась трехлучевая мерседесовская звезда. Ниже звезды сияла надпись: «Brabus».

«Мерседес»? Джип? «Брабус»?.. — заметались панические мысли. — Боже, скажи мне, что это не я!.. Боже, скажи мне, что я тут ни при чем!..»

Из черного автомобиля никто не вылезал. Он казал-

ся беспилотным кораблем-призраком. Он чернел в ночи безмолвно и грозно. Видимых повреждений на корме «Брабуса» не наблюдалось.

Леня продолжал сидеть в водительском кресле. Мелькнула мысль: «Сейчас бы дать по газам, умчаться, убежать...» — но... Но воля, мысли, ноги и руки, кажется, отказали ему.

Тут раскрылись обе дверцы черного «Брабуса». Во все он не был беспилотным, этот грозный корабль-призрак.

С высоких подножек джипа спрыгнули двое мужчин. Оба не торопясь направились к Лениной «девятке». На минуту ему показалось, будто он видит кошмарный сон: что-то ужасное неотвратно надвигается на него — но у него нет сил, чтобы убежать или пошевелиться. Или — проснуться...

Мужчины из «Брабуса» не спеша надвигались на Леню. Он хорошо видел их в молочном свете придорожных фонарей. Они шли посередине пустого ночного перекрестка. Оба черные, небритые, с невозмутимыми восточными лицами. Оба в кожаных куртках нараспашку, в спортивных штанах и черных ботинках.

Леня даже не сделал попытки выйти из машины. Убежать. Или хотя бы заблокировать дверь «девятки». Мужчины надвигались на него неотвратно — словно сама смерть.

Они подошли к Ленькиной машине.

Один с силой распахнул водительскую дверцу.

Леня почувствовал его запах: несвежий, прогорклый, словно горелое масло. Глаза восточного мужчины впились ему прямо в лицо. Смуглая небритая физиономия ничего не выражала. «Может, пронесет?» — мелькнула в голове Лени трусливая спасительная мысль.

— Малчишка, — с сильным южным акцентом констатировал мужчина. — Щ-щэнок. — Он схватил Леню цепкой лапой за воротник куртки. — Я твою маму драл, чтоб ты так ездил!

Резким рывком он за шкуру выдернул парня из-за руля. Тот даже не пытался сопротивляться.

Он оказался у капота нос к носу с обоими мужчинами.

Первый что-то коротко спросил у второго на гортанном восточном наречии. Второй ответил. Затем достал из-за пазухи маленький серебристый телефон и принялся тыкать в кнопки корявыми пальцами. Первый продолжал не мигая рассматривать лицо Лени — тот храбро попытался выдержать его свинцовый непроницаемый взгляд. Не сумел, отвел глаза. И тогда восточный мужчина неожиданно, без замаха, ударил Леню по щеке.

Голова Лени дернулась, в мозгу зашумело. Хачик не-сильно, но прицельно снова ударил его по лицу — теперь прямо по брови. На щеку мгновенно хлынула кровь. Леня отстранился, испуганно закрылся рукой.

— Еще? — спокойно, с сильным акцентом спросил кавказец.

— Хватит, — слабодушно прохрипел Ленечка.

— Ты, мальщик, еще не знаешь, что значит «хватит», — спокойно произнес восточный человек и осклабился. Рот его был полон золотых зубов.

Его напарник что-то говорил в телефон — по-русски, но так тихо, что Леня смог только разобрать слова: «ГИБДД, да... Малец, я его маму в рот... Перекресток...»

— Ты у меня еще будешь дэнги платить, — спокойно и без угрозы сказал первый. — Сейчас ГИБДД приедет.

Кровь из разбитой брови струилась по Лениной щеке и заливала глаз. В голове шумело. Тоскливое спокойствие, отчаяние и беспредельная тоска затопили его изнутри. Захотелось исчезнуть. Оказаться где-нибудь далеко-далеко.

Леня автоматически вытащил из кармана джинсов заботливо наглаженный мамой платок и стал утирать кровь, заливавшую лицо.

Частным детективам нельзя жениться.

Как, впрочем, и любым нормальным мужикам.

Даже гражданский брак вносит в жизнь мужчины массу непредвиденных сложностей и неудобств.

Об этом я думал, когда телефонный звонок разбудил меня в половине седьмого утра. Звонила моя невенчанная, гражданская супруга Катерина. Катя Калашникова. Кандидат филологических наук. Доцент Лингвистической академии. Интеллектуалка и красотка тридцати с чем-то лет от роду.

Ко всем бесспорным достоинствам Екатерины добавлялся один определенный недостаток. У нее было слишком много друзей и родственников. И в их судьбах она (на мой взгляд) принимала чрезмерно большое участие.

Я встал с постели и поплелся в душ, проклиная всех родичей Катерины Калашниковой, вместе взятых.

Душ в половине седьмого утра — в ту жаркую пору, когда в доме отключили горячую воду, — сомнительное удовольствие.

К тому же в ванной я затеял ремонт. Сооружал навесные потолки с точечными светильниками. По этому случаю привычного света в санузле не было. С наполовину готового потолка свисали провода. Для временного освещения я приспособил настольную лампу (помнится, с ее помощью меня когда-то пытали люди одного полукриминального олигарха). Лампа после того эпизода осталась жива и здорова (в отличие от тех, кто пытал). Теперь она размещалась на кафельном полу в санузле. Ее свет отбрасывал мефистофельские тени.

Я мок под старой коммунальной лейкой. У меня было предчувствие, что после сегодняшнего звонка я не скоро вернусь к мирному навешиванию потолков.

Черт бы побрал Катерину, ее родственников, ее сестру и ее бестолкового племянника!

С Катей Калашниковой наши отношения зашли столь далеко, что я держал свой запасной «Жиллетт» на полочке ее ванной в Петровско-Разумовском переулке. Она хранила свою зубную щетку и свой халатик в моей квартире на Большой Дмитровке.

Однако мы далеко не каждую ночь проводили вместе. Но в то же время Екатерина посчитала уместным поднять меня на рассвете — в тот момент, когда ее племянник попал в беду.

Растираясь полотенцем, я вышел на кухню с видом на Генеральную прокуратуру. Кухня недавно перестала быть коммунальной. Теперь я стал ее единоличным хозяином. Сквозь пыльные оконные стекла кое-где пролегли разводы свежей белой краски. Позавчера я побелил на кухне потолок. Сегодня Катя Калашникова обещала приехать и помыть окна и пол. Похоже, уборка не состоится.

Большая Дмитровка сквозь полубеленные окна выглядела пустынной.

Я бухнул три ложки растворимого кофе в кружку с выцветшей гравировкой «Павлу Синичкину за отличную службу». Чайник вскипел, и я налил кипятка, положил сахару.

Великолепное начало. Веселящий напиток, семь утра, позлащенная солнцем Дмитровка, июнь.

И срочное личное дело, за которое я, конечно же, не получу ни копейки.

А пулю в лоб, похоже, — могу.

**Катя Калашникова.
В то же самое время**

«Все-таки грош цена *женским решениям*», — самокритично думала Катя Калашникова, шелкая центральным замком своего «фиатика» «Пунто».

Бригада дворников уже бодро подметала тополиный пух и мусор и с удивлением поглядывала на моло-

дую женщину за рулем маленькой иномарки. Наверно, принимали Катюшу за важную бизнес-леди, спешащую с утра пораньше в навороченный офис. Эх, если бы...

Катя тронула «Пунто», поддала газку. Мимо Петровского замка она выехала на Ленинградский проспект и повернула направо, в сторону от центра. Она давно вычислила, что от одного окраинного района Москвы до другого удобнее всего добираться не напрямую, через центр, а кружным путем, по Кольцевой.

«Да-а, вот, значит, я и приняла решение... — иронизировала над собой Катя. — Называется, созрела... Решила твердо и навсегда. «Навсегда» продолжалось ровно шесть часов...»

Кандидат филологических наук Екатерина Калашникова вчера наконец определилась: во-первых, она вплотную займется докторской диссертацией. Завкафедрой уже все уши прожужжал: хватит, мол, в кандидатах ходить, голова у тебя светлая, да и возраст позволяет выйти с защитой на ученый совет. (На факультете существовало негласное правило: валить докторские у тех соискателей, кому еще не исполнилось тридцати.)

Кроме того, вчера Катя решила плавненько сворачивать отношения с частным детективом Пашей Синичкиным. С одной стороны, он классный парень. Сильный, надежный и красивый. Но... Никогда с этими мужиками не обходится без «но»... Слишком уж Паша *простой*. Без изюминки. Не считать же изюминкой зеленый пояс по карате и первый разряд по самбо.

А вот с чердаком у Паши проблемы. Ментовский менталитет. Бум, хрясь, боевики по виду... Надоело, когда человек знает про Рэмбо, но никогда даже не слыхивал об Артуре Рембо.

Вчера оба решения — сворачивать роман с Пашей и браться за докторскую — казались простыми, естественными и жизненно необходимыми. Но сегодня утром стало ясно: простых решений не бывает. Кате при-

дется повременить. И с докторской, и с расставанием с Пашей Синичкиным.

«Нехорошо как. — Она даже покраснела. Или просто жарко в салоне? — Пока все было в порядке, я Пашу решила бросить... А случилась беда — и кому я позвонила первому? Именно ему, Павлу Синичкину, позвонила...»

Но кому еще, спрашивается, она могла позвонить в такой ситуации?

Мысли перенеслись на племянника, виновника ее непоследовательности. Нет, право слово, лучше бы дети вовсе не росли. Лучше бы Ленчик до сих пор оставался крохой.

Катя вспомнила те времена, когда старшая сестра Дашка просила забрать Ленчика из детского садика и посидеть с ним — пока та в очередной раз устраивала свою личную жизнь... Катя тогда злилась, что с малышом хлопотно: то описается, то кашу есть не желает... Да, хлопотно... Но какая это мелочь по сравнению с сегодняшними хлопотами!

Паша Синичкин. В то же самое время

В восемь тридцать пять утра я уже подрулил к брежневской унылой девятиэтажке на окраине Москвы. Здесь проживала родная сестра моей Екатерины — Даша. Плюс ее сын — Ленчик. Катерины, значит, непутевый племянник.

Вход в подъезд ограничивала стальная дверь. Я набрал на домофоне номер квартиры. Через домофон откликнулся усталый Дашин голос. Похоже, здесь не ложились всю ночь.

— Это Паша Синичкин, — браво сказал я.

— Да, да, открываю, — поспешно и умученно произнесла Даша.

Даша, старшая Катина сестра, всегда была мне симпатична. Несмотря на то что мы с ней виделись два с половиной раза. Женщина она веселая, общительная. Радужная. Улыбалась в тридцать два зуба. Каждой твоей шутке готова рассмеяться. Даже анекдоту, которому исполнилось уже лет сто. На домашних празднествах с ней никогда не тягостно.

Кстати, гостей она принимала в соответствии с принципом: «Что ни есть в печи, все на стол мечи». Если делает Дарья для родственников винегрет — то это целая бадья! Пирожков с капустой — штук двести. Гора салата «Оливье». Селедка под шубой на огромном блюде...

Настоящая русачка. Дарью я из всей Катиной родни любил более всех.

В лифте по мере приближения к ее квартире у меня, словно у собачки Павлова, стала выделяться слюна. Условный рефлекс. Плюс к тому: во рту с утра, кроме ударной дозы кофе, ни крошки не было. Пусто в моем холодильнике.

Моя Катька в отличие от сестры своей Дарьи готовить не любит и не умеет. Продуктовых запасов не делает. Ни у себя в квартире, ни тем более у меня.

Сегодня из-за Дашиных дверей, естественно, пирогами не пахло. Да и прибыл я к ней отнюдь не на семейный обед. Даша открыла мне в халатике. Глаза заплаканы. Сейчас, когда она не старалась прихорошиться, стало очевидно: она много старше младшей сестры — моей Катерины. Яркий свет июньского утра безжалостно демонстрировал ее настоящий возраст: под сорок.

— А, вот и Пашенька, — безжизненным голосом проговорила она и на секунду доверчиво прильнула к моему плечу.

Таким жестом приветствуют обычно дальних родственников, прибывших на поминки.

До поминок дело пока не дошло. Меня и призвали сюда для того, чтобы до них не дошло.

— Где больной? — преувеличенно бодрым голосом попытался пошутить я, пародируя старого доброго участкового врача, доктора Айболита.

— В своей комнате, — откликнулась Даша.

— Спит?

Она пожала плечами:

— Наверно.

Мы по-прежнему торчали с Дашей в прихожей. Прихожая у Коноплевых была такая маленькая, что мы в ней вдвоем едва помещались.

— Как Ленька? В порядке?

— Здоровье — в порядке, — безучастно ответила Даша. — Возила его в травмпункт. Рану ему промыли. Говорят, сотрясения мозга нет.

Я повесил куртку на вешалку.

— Ну и слава богу. Шрамы украшают мужчину. А Катя уже приехала?

— В дороге. Звонила из машины со своей мобилы. Будет у нас минут через пять.

Леня Коноплев. В то же самое время

Леня лежал в своей комнате, положив на голову подушку. На уши он надел наушники от си-ди-плейера. Солнечный Боб Марли звучал сейчас черно-печально.

Сказать, что Ленчик был подавлен, — значило ничего не сказать. Первый острый приступ горя, обиды и боли уже прошел. Теперь в его душе царила безмерная безрадостная тоска.

«Господи, оказывается, ты никогда не замечаешь, когда бываешь счастлив... — думал Ленчик в жесточайшем приступе меланхолии. — Живешь себе в этом счастье, как рыбка в аквариуме... Купаешься в нем... Словно какая-нибудь скалярия или гуппи, не замечаешь водички вокруг себя. Не замечаешь до тех пор, пока кто-то (я бы сказал бог, но в бога я не верю) не разбивает